

— Я отлично знаю, как выглядит его жена.
— И нам это зачем?
— А ты не понимаешь, да? Всегда хорошо иметь небольшую страховку от разных непредвиденных ситуаций.

— А кто сказал, что он с собой ее привезет?

— Ты когда по городу ходишь, на афиши внимания не обращаешь, нет? А там написано — «Международный турнир по спортивным бальным танцам».

— И нам с этого что?

— Вот я туда и съезжу, на красоту полюбуюсь. Или проще даже — по городу погуляю, а там, глядишь, и повезет мне.

— А дело как же?

— А это и будет частью нашего дела. Не понял?

— Нет.

— Ну и не надо. Сам все сделаю.

Я всегда любила перелеты — не важно куда. Привычная к поездкам и кочевой жизни с раннего детства.

ва, я до сих пор не избавилась от предпоездочного волнения, связанного со сбором чемодана, проверкой костюмов и кейса с косметикой. Не забыть туфли, положить стартовые книжки, взять щетку для подошвы, положить два больших флакона лака для волос — так сказать, себе и тому парню. Бальные танцы с детства приучают планировать, жить в режиме и графике, держиваться — не важно чего — диеты, правил, традиций. Я живу этим с детства, люблю это и готова жить так всю жизнь.

Меня зовут Маша Лащенко, но никто с самого детства не зовет меня так — только Мария. Я занимаюсь спортивными бальными танцами, имею определенный (довольно высокий, скажу без ложной скромности) уровень и вхожу вместе с партнером в четырнадцать лучших пар страны. И в тройку — в своем регионе. Всего этого мы с Иваном добились сами, без каких-то спонсоров, «лохматых лап», богатых родственников и прочего. Нет — мы с детства пашем как кони, пусть это и некрасивое выражение. Мы проводим на паркете по восемь-двенадцать часов, из зала буквально выползаем, волоча за собой сумки с мокрыми от пота тренировочными комплектами. Мы заслужили свои медали, что висят у нас в квартирах на стенке.

С каких пор все пошло наперекосяк? Если задать этот вопрос нам обоим, мы, даже сидя в разных комнатах, уверенно ответим — с того момента, как я вышла замуж. Наверное, ошибку страшнее я никогда уже не сумею совершить, да и эту не исправлю, даже если раз-

ведусь. Развода мне никто не даст, а вот сломать жизнь, карьеру и угробить здоровье могут с легкостью. Мой муж Костя... Нет, не хочу об этом, хочу о том, куда мы летим на этот раз.

Иван, кстати, отнесся с пониманием к моему замужеству, даже попытался выгоду извлечь:

— Ну хоть бы охрану какую дал тебе, твой кофр бы самому таскать не приходилось.

Кофр с четырьмя платьями весит достаточно, чтобы от его тяжести болело плечо даже у тренированного Ивана, так что его мечты были вполне оправданными.

Итак, пять двадцать утра, аэропорт сибирского города, мы в очереди на регистрацию. Вылет через полтора часа, на табло светится задержка рейса. Прекрасно...

— В Санкт-Петербурге сильный дождь, — объясняет девушка на стойке регистрации. — Пулково пока не принимает.

— Но мы сегодня точно улетим? — интересуется Иван, шлепая на стойку наши паспорта.

— Улетите. Вопрос только в том, во сколько, — улыбается девушка, заметно покраснев, — мой партнер — красавчик с темными волнистыми волосами, ухоженный и пижонистый — умеет обольстить с ходу любую.

— Печаль-печаль, — вздыхает Иван, забирая паспорта и посадочные талоны.

Кофры мы, поколебавшись, сдаем в багаж — Иван даже не поленился и обмотал их полиэтиленом, удивив меня заботливостью.

Коротаем время в кафе. Иван дремлет, откинувшись на спинку кресла и сложив на груди руки, а я строчу сообщения Марго — единственной моей подруге, живущей в Москве.

«Хочешь, я приеду?» — спрашивает она, едва узнав, что мы танцуем в Питере.

Это такой соблазн... мы давно не виделись, кажется, около трех месяцев, я безумно соскучилась. Конечно, я могу написать — «да, приезжай», — и она примчится первым же поездом, но мы все равно не сможем даже поговорить по душам, у нас довольно плотное расписание. Но можно и рискнуть...

«Приезжай», — быстро набрала я и нажала «отправить», пока не передумала. Марго хватит времени, чтобы купить билеты и завтра утром появиться в Питере. Мы всегда останавливались в одной и той же недорогой гостинице совсем рядом с вокзалом, и она об этом знала, так что номер наверняка там и забронирует. Турнир для нас начнется только в субботу, сегодня еще четверг, так что лично у меня будет почти двое суток, чтобы вдоволь нагуляться по Питеру, пусть даже там дождь. Конец мая, уже тепло, а дождь... ну что такое дождь — вода с неба? Переживу.

Иван натянул на лицо капюшон спортивной кофты и откровенно захрапел, а я решила размять затекшие ноги и встала.

— Куда? — мгновенно отреагировал партнер, хотя секунду назад, казалось, крепко спал.

— В туалет! Со мной хочешь?

— Ладно, иди.

— Ой, спасибо, благодетель! — съязвила я, направляясь к лестнице, ведущей в полуподвальный этаж, где находились туалеты и даже была оборудована курилка.

Меня не покидало какое-то странное предчувствие неприятностей, даже сигарета не смогла отвлечь от этого. Я не очень хотела лететь на этот турнир — ныла травмированная не так давно спина, программа еще не совсем обкатана, мы только недавно изменили все вариации в танцах. Но Ванька был неумолим — едем, и все тут.

— Зря, что ли, столько денег в костюмы вбухали?

Это было последним аргументом, и я сдалась. Собственно, пошив костюмов с некоторых пор стал для меня делом приятным — занималась этим в основном Марго: рисовала эскизы, подбирала ткани. Мне оставалось прилететь в Москву и сходить с ней пару раз в ателье для заказа и примерок, а потом Марго просто высылала мне готовый костюм при помощи службы доставки. Обладавшая тонким вкусом Марго выстроила мой имидж так, что на паркете меня было видно сразу, в любой толпе, при любом количестве пар. Мы обрели индивидуальность, стиль, дополнив имевшийся у нас собственный танцевальный почерк, и это в целом пошло нашей паре только на пользу.

Поднявшись из полуподвала снова в накопитель, я решила немного побродить и размять ноги — сидеть придется еще очень долго, это не слишком полезно для

мышц. И первым, кого я увидела, завернув зачем-то в небольшой отделечик, где торговали нашими местными сувенирами, оказался мой супруг Константин Айвазович Кавалерьянц. Он стоял в окружении троих своих подручных и выбирал какую-то ерунду. Обернувшись на стук каблуков — ну а как же, по-прежнему не может пропустить ни одной юбки! — Костя увидел меня и широко улыбнулся:

— Не ожидала, дорогая?

— Не ожидала. И куда это ты такой нарядный?

Костя по-хозяйски обнял меня за плечи, демонстративно поцеловал в губы и хмыкнул:

— По делам, по делам.

Спрашивать, по каким именно, я не стала — во-первых, догадалась, во-вторых, это в нашей семье не заведено. Такова жизнь карточного шулера — даже с собственной женой лучше не откровенничать. Поэтому я только спросила:

— И куда на этот раз?

— Не поверишь — нам по дороге, — наклонившись к моему уху, прошептал Костя. — Но тебе лучше держаться от меня подальше, когда приземлимся.

Ну что тут непонятного — Костя едет играть, явно задумал очередную аферу, и я могу только все усложнить, могу стать приманкой, а то и оказаться заложницей, и это, разумеется, никому не нужно.

— Даже не скажешь, где остановился?

— Нет, Мария, не скажу. Занимайся своим делом, танцуй. Увидимся дома.

— Ты только слишком не напивайся, — посоветовала я, хотя и знала, что это бесполезно — Костя панически боялся летать и вынести дорогу мог только в состоянии опьянения.

— Рад бы, да ведь знаешь — не могу, — почти виновато пробормотал он, целуя меня в шею. — Не волнуйся, все будет хорошо, я обещаю.

Обещает он... Если бы не эти проклятые карты, моя жизнь с Костей, возможно, могла бы сложиться даже счастливо. Он был заботливым, очень щедрым, исполнял любое мое желание, хоть их было не так и много, любил меня. Но... это постоянное ощущение опасности, сопровождающее меня на улице, дома, в клубе... И даже сейчас, улетаю в другой город на турнир, я вынуждена буду оглядываться, потому что Костя тоже будет в Питере и никто не знает, как сложится его игра и что ему придется поставить на кон в случае проигрыша. Вполне вероятно, что это могу быть и я...

— Все, Мария, иди, мы с этой минуты друг друга не знаем. — Он еще раз поцеловал меня и развернул лицом к выходу из магазинчика.

В отвратительном настроении я вернулась в кафе к дремлющему на стуле Ивану.

— Всегда поражалась твоей способности спать даже стоя, Переверзев, — пнув ножку стула, сказала я.

— Я сплю сидя, — не открывая глаз, буркнул Иван. — Что там с рейсом?

— Пока задержка. Хорошо, что решили за двое суток лететь, можем тут до ночи проболтаться.

— Мария, займись чем-нибудь, а? — попросил партнер. — Ну, книжку там почитай, не знаю... Дай подремать, я сегодня почти не спал.

— Да? И кто же нам мешал?

— Не твое дело.

Тоже верно. Нас с Иваном связывали исключительно партнерские отношения, и влезать в личную жизнь друг друга по обоюдному согласию мы не стремились. У красавца Ваньки было полно поклонниц, и он, разумеется, не отказывал себе в удовольствии.

Вылет разрешили только к обеду, мой партнер успел выспаться и как следует поесть — аппетит у поджарого, но мускулистого Ивана всегда был отменный. Я выпила только кофе, краем глаза заметив, что Костя со своими прошел в соседнее кафе, когда увидел нас за столиком. Хорошо, что он летает бизнес-классом, их в самолет запускают последними, а выпускают первыми, так что Иван гарантированно Костю не увидит.

В самолете я забила к иллюминатору, воткнула в уши плеер и включила танго — это помогало мне отключиться и не слышать ничего, что происходило в салоне. Иван листал какой-то журнал, хмыкал и качал головой, а когда я, заинтересовавшись, попыталась заглянуть ему под руку, то увидела цветную вкладку «Плейбоя».

— Урод, — пробормотала я, ткнув партнера в бок, и он сморщился, выдернул из моего уха наушник и пробурчал:

— Ты чего дерешься? Я свободный человек, имею право.

— Не посмотрелся за карьеру?

— Отстань, Мария. — Вернув на место наушник, Ванька все-таки убрал журнал и, откинув спинку кресла, снова погрузился в сон. Положительный человек, где положат — там и спит.

В Санкт-Петербурге по-прежнему шел дождь, но не такой, чтобы помешать посадке, и я до самого приземления рассматривала щупальца шоссе, причудливо оплетающие город со всех сторон, как гигантский осьминог. На меня Питер никогда не нагонял тоску, как принято считать, — наоборот, здесь я чувствовала себя спокойной, уверенной, даже дышала как-то свободнее. Мы с Марго пару раз приезжали сюда, много гуляли, она водила меня в музеи, в которых сама бывала по нескольку раз еще в детстве. Когда мы прилетали на турниры с Иваном, то времени на красоты города практически не оставалось, и только с Марго я смогла в полной мере понять и ощутить всю мощь и все очарование этого места. Хорошо, что в этот раз мы вылетели раньше, если Марго действительно приедет завтра, как планировала, мы сможем весь день бродить по любимым местам, сходим в музей Ахматовой, и Марго будет читать мне вполголоса ее стихи, а я буду слушать, как будто это все впервые.

Беспокоило только присутствие Кости. Как ни крути — он мой муж, и мне совершенно небезразлично, как у него тут все пройдет. И дело даже не в том, что он может проиграть крупную сумму — деньги никогда не

являлись большой проблемой, а в том, что Костя с его характером и замашками может попасть в какую-нибудь историю. Этого мне совсем не хотелось.

Когда от трапа отошел микроавтобус с пассажирами бизнес-класса и нас из эконома тоже пригласили к выходу, Иван крепко взял меня за руку и потянул за собой — всегда так делал, с самого детства, словно брал за меня ответственность.

— Куртку надень, — велел он, едва мы оказались на трапе.

Я послушно натянула куртку, которую несла в руке, и под морозящим дождем потрусила вслед за партнером к автобусу.

— Очень приветливый город, — пробурчал Иван, когда мы уже оказались в здании аэропорта.

— Ой, перестань! Ты всегда чем-то недоволен. Сейчас до гостиницы доберемся, вещи разберем и пойдем куда-нибудь обедать, вот ты и расслабишься. Я же знаю, что еда всегда мирит тебя с любой действительностью.

— Ох и язык у тебя... как с тобой Костя живет?

— Не жалуется, — отрезала я, не особенно довольная упоминанием имени супруга, который сейчас уже наверняка с комфортом катит к лучшей в городе гостинице в присланной за ним машине. Интересно, где и с кем у него игра?

За то время, что я живу с ним, уже стала немного разбираться в этих премудростях и умела по настроению мужа определить, важный ли клиент будет у него

в партнерах или так, «лох непуганый», как он сам определял игроков уровнем пониже.

В этот раз Костя заметно нервничал, и мое присутствие в Питере тоже не добавляло ему спокойствия. Но выбор места от него, конечно, не зависел, иначе Костя ни за что не полетел бы сюда, зная, что в это время и я окажусь тут же. Но все сложилось так, как сложилось. Теперь главное — друг другу не помешать.

Отдохнув в гостинице пару часов, приняв душ и переодевшись, мы с Иваном отправились на прогулку. После обеда вышло солнце — не такое яркое, как хотелось бы в мае, но и этого было вполне достаточно, чтобы город засветился и стал по-настоящему весенним.

Настроение у Ивана поднялось, мы шли по Невскому проспекту в сторону Дворцовой площади и обсуждали предстоящий турнир. На Фонтанке Ванька неожиданно свернул вниз и потянул меня к пришвартованным прогулочным катерам:

— Давай прокатимся?

— Может, тогда в Петергоф лучше? — предложила я. — Там уже фонтаны включили, поедем, а? Дойдем сейчас до Дворцовой, оттуда есть возможность доплыть.

— Далекое... Давай, может, сегодня в Петропавловку? А завтра можем и в Петергоф.

— Все равно на Дворцовую идти.

Мы вернулись на Невский и дошли до нужного нам места. Кораблик оказался маленький, его все время качало, и я то и дело хватала Ваньку за руку, а он веселился:

— Ты же плаваешь вроде.

— С ума сошел, да? Если я окажусь в воде внезапно, то забуду, какой частью тела вообще надо шевелить.

В общем, мне прогулка по воде до Петропавловской крепости никакого удовольствия не принесла, и я с облегчением ступила на твердую почву на пристани у крепости.

— Ну что — экскурсия? Или сами побродим? — спросила я, и Иван поморщился:

— Ненавижу экскурсии. Давай сами, тут где сильно ходить-то? И подписано же все.

И мы устремились в крепость. У меня, правда, возникло крайне неприятное ощущение, словно за мной кто-то наблюдает, но, обернувшись, я никого подозрительного не заметила и решила, что слишком серьезно восприняла слова Кости. Но ощущение так и не проходило.

— Что ты головой все время крутишь? — спросил Иван, и я натянуто улыбнулась:

— Привычка.

— Да? И давно у тебя такая странная привычка?

— Отвянь, Переверзев. — Я вырвала руку из его ладони и пошла вперед, не желая объяснять, что, когда ты живешь с карточным шулером, тебе волей-неволей приходится оглядываться по сторонам и в каждом встречном подозревать что-то нехорошее. Такова плата за легко приходящие большие деньги.

Мы гуляли по крепости, дошли до «Двенадцати стульев», и вдруг Ванька, как охотничий пес, сделал стойку

и резким жестом повернул меня так, что я оказалась перед ним и машинально подняла руки, становясь в пару.

— Иии... раз! — Иван легко толкнул меня корпусом назад, и мы заскользили по брусчатке в танго.

Музыка раздавалась совсем рядом, мы легко вошли в ритм и танцевали, довольно быстро собрав вокруг себя толпу зрителей. Внезапно пошел дождь, но мы так и не остановились, пока не закончилась музыка. Ванька прижал меня к себе, погладил по намокшим волосам и улыбнулся:

— Ты не представляешь, какая сейчас красивая, Мария.

— Руки убери, — негромко посоветовала я, чувствуя, как его ладони подрагивают на моей спине, осторожно двигаясь по мокрой майке вниз.

— А если не убери? — так же негромко спросил он.

— Тогда я подниму колено, — пообещала я, и Ванька, опустив глаза вниз, понял, что я имею в виду — моя правая нога все еще была между его, стоявших во второй позиции, и коленом я могла ощутимо огорчить распалившегося вдруг партнера.

Он захохотал, но руки убрал:

— Все, я понял.

— Вот и продвигайся соответственно.

Никогда прежде Переверзев не позволял себе ничего подобного, хотя видел меня в разных видах, состояниях и даже спал в одной кровати. Мы были как брат и сестра и никаких намеков на романтику себе не позволяли, потому что обоим это казалось кощунством.

— Ну что, надо куда-то прятаться? — предложил Иван, потому что дождь снова разошелся.

— Надо.

Мы побежали по направлению к тюрьме Трубецкого бастиона — самое ближайшее место, до которого мы уже добрались, хотя Ванька и сказал на бегу, что я выбрала его специально, чтобы еще раз запугать несчастного мальчика:

— Мало мне твоего супруга и его обезьян, так ты еще и сама успеваешь!

— Прекрати!

Но оказалось, что нужно купить билеты, и Иван, оставив меня у входа, побежал к кассам. Я же отошла немного в сторону, чтобы не мешать людям входить и выходить, и едва сделала пару шагов, как в бок мне уперлось что-то, а тихий мужской голос сказал:

— Орать не советую. Тихо и спокойно иди со мной, делай вид, что тебе все нравится, и останешься живой и целой. Ну! — В боку кольнуло, и я поняла, что лучше делать так, как говорят.

Человек крепко обхватил меня за талию свободной рукой и повел в противоположную сторону.

— Вы меня с кем-то перепутали, — пробормотала я, очень надеясь, что это так и есть, но в душе уже понимая, что вряд ли.

— Ты молча иди, а то я нервничаю, — процедил мужик.

Мы добрались до выхода из крепости, там нас встретил какой-то высокий мужчина в сером костюме.

Они окружили меня уже с двух сторон, быстро зачихнули в небольшой прогулочный катер и отчалили от берега.

Я сидела в салоне на диване и озиралась по сторонам. Кроме этих двух, был еще кто-то, управлявший катером. На меня не обращали больше никакого внимания, словно понимали, что отсюда, как с подводной лодки, я уже вряд ли куда-то денусь.

— А телка у Кости и правда ничего, — хмыкнул вдруг тот, что в сером.

— Финн сказал — не трогать.

— Да я ж только посмотрю.

— Сказал — не трогать! — повысил голос тот, что увел меня из крепости. — Остынь, она нам для другого нужна.

Ну, в общем, я так примерно и думала — дело в Косте. Не надо было лететь на этот чертов турнир... И даже позвонить кому-то я не могу — моя сумка перекочевала к похитителям, и телефон они отключили сразу же.

А если Марго приедет? Она перепугается насмерть, когда Ванька расскажет ей, как вернулся к Трубецкому бастиону и не нашел меня там.

Может, у него хватит ума позвонить Косте? Черт — куда он позвонит, у него же нет номера... и о том, что Костя тоже в Питере, Ванька не знает.

Ситуация стала совсем безвыходной, я запаниковала, затряслись руки, но потом я внутренне немного собралась и подумала, что паника — самый непродуктивный

метод решения вопроса. Надо успокоиться и все обдумать.

Если меня умыкнули из-за Кости, то рано или поздно он об этом узнает. А Костя Кавалерьянец не из тех, кто легко расстается с тем, что принадлежит ему. Вопрос в другом — насколько влиятелен его нынешний партнер по игре, потому что от этого зависит очень многое. И вот это мне нужно как-то аккуратно вытянуть у моих, так сказать, охранников.

— Мужики, а попить нет у вас? — хрипло спросила я, и тот, что в сером, обернулся:

— Тебе попить или выпить?

— А есть варианты? — Граммов пятьдесят коньяка мне бы сейчас пригодились, я очень замерзла в мокрой майке.

— Варианты, детка, есть всегда, до тех пор пока ты не в гробу. Коньячку?

— Было бы отлично.

Он встал и прошел к небольшому бару, вынул бутылку и показал мне. Я скривилась — дешевое пойло из супермаркета, я давно отвыкла от такого. Костя прекрасно разбирался в коньяке и меня тоже научил.

— Ого, — оценил второй. — А жена Кости дерьма-то не пьет. Давай, Квас, растрясси мошну у хозяина, налей ей нормального чего.

Квас ухмыльнулся:

— Ну и мы заодно приличного хлебнем, да, кра-савица? — из недр бара появилась другая бутылка — хороший армянский коньяк большого срока выдер-

жки, от него гарантированно не станет дурно, я-то знала.

— Мне немножко, согреться просто, — попросила я, и Квас налил мне в стакан на два пальца, а себе и напарнику — почти по рубчик. Отлично...

Пить коньяк из граненого стакана, конечно, удовольствие так себе, но тут уж не до эстетики, мне нужно, чтобы перестало трясти, а мысли пришли в норму, тогда я смогу что-то придумать. Хотя что тут придумаешь? Пришвартуемся — будет видно, а пока, похоже, катер вышел в залив, не нырять же мне с борта...

— Слушай, а твой приятель к правоохранителям не кинется? — спросил Квас, осушив стакан залпом.

— Понятия не имею.

— Вот это плохо.

— А скажите, мужики, вы чего от мужа моего хотите? — осторожно поинтересовалась я, не надеясь, правда, на честный ответ.

— А муж твой, красавица, немного зарвался. Вот Финн и решил, так сказать, заиметь страховку на случай, если за столом что-то не по его пойдет, — вальяжно развалившись на диване, сказал Квас. — Костя вообще как — любит тебя, а?

— А что?

— А то. Если ты ему очень уж нужна, то он будет вести себя правильно. В противном случае...

Так, вот об этом случае я думать не хотела. Я не знаю, любил ли меня Костя по-настоящему, но то, что отдавать меня кому-то он вряд ли захочет — просто не позво-

лит гордость и самолюбие, — вот в этом я была уверена. Проблема заключалась в другом. Костя очень любит деньги. Настолько, что в какой-то момент, почувствовав, что может потерять осязаемую сумму, он потеряет разум и забудет, кто я ему и для чего. И вот этого мне хотелось меньше всего по разным причинам.

Тем временем катер причалил, и сверху раздался голос:

— Все, мужики, приехали. Машина ждет.

Квас вынул из кармана темный шарф, свернул его в узкую ленту и подошел ко мне:

— Уж извини, но глаза я тебе завяжу на всякий случай. Хотя ты и не местная. Но, сама понимаешь, осторожность не помешает.

Они вывели меня из каюты, довели до сходней, и кто-то из них взял меня на руки. В машине я оказалась тоже между двух тел, плотно зажавших меня с двух сторон. Ехали не очень долго, я, разумеется, вообще не представляла, в какую сторону и откуда, так что даже отдаленно прикинуть, где оказалась, не могла.

Но мне повезло на выходе из машины. Шарф немного сполз, и я буквально на секунду увидела синюю табличку с названием улицы — Лиговский проспект. Заметивший неполадки в технике безопасности, Квас мгновенно вернул шарф на место, но я уже немного успокоилась — этот район мне был знаком, неподалеку находился Московский вокзал и гостиница, где мы с Иваном остановились. Если удастся вывернуться, у меня хотя бы будет ориентир.

Мы вошли в какое-то помещение — судя по гулкому эху шагов, с высокими потолками и почти пустое. Что это может быть? Склад? Ангар? Вроде бы в центре города подобных мест нет. Потом, повернув налево, я вдруг отчетливо услышала звук веника — да-да, обычного банного веника, опускающегося на тело. Баня, что ли? И запах... какой-то специфический запах, почти больничный...

Меня втолкнули в какое-то помещение, дверь сразу закрылась, и Квас произнес:

— Можешь снимать.

Я сдернула шарф и огляделась — обычная комната с большим угловым диваном, столом и тремя креслами, в углу — пальма в кадке, окно плотно зашторено ролл-шторой, и плотные портьеры тоже задернуты. На потолке — большая люстра с длинными сосульками из стекла, на полу — мягкий ковер. Господи, где я?

— Ты присаживайся, в ногах-то, сама знаешь... — предложил Квас. — Проголодалась?

Есть я не хотела, а вот в горле пересохло. Квас кому-то позвонил, и через десять минут пришла девушка в униформе горничной, принесла поднос, на котором стояло два пакета сока и две чашки кофе.

— И надолго мы здесь? — поинтересовалась я, забираясь на диван с ногами.

— Как пойдет. Игра завтра.

— А, то есть ночевать мы тут будем?

— Угадала.

— Отличная перспектива.

— Ты б не дергалась, — посоветовал Квас, протягивая мне стакан с соком. — А то у меня нервишки слабые, не могу я с бабой в одном помещении спокойно находиться. А уж если она еще и дерзит... — Он многозначительно посмотрел на меня, и я сочла за благо умолкнуть и не дразнить его.

В тягостном молчании прошло часа три. Никогда не думала, что это так тяжело — находиться в закрытом помещении и вообще не разговаривать.

Квас сломался первым:

— Слушай, подруга, а ты в картишки, часом, не мечешь?

Я подняла правую бровь, давая ему понять всю нелепость вопроса — жена карточного каталы, я уже успела научиться кое-каким трюкам, хотя Костя был категорически против. Но имелся еще и его родной брат Артур, с которым мы и забавлялись иногда. Правда, Арик предупредил, чтобы я никогда, ни при каких условиях не пыталась играть с Костей. Но передо мной сидел какой-то Квас, так почему бы и не скоротать время, чтобы с ума не сойти?

— Так, может, того? Партеечку? — обрадованно предложил он. — На интерес.

— Сразу видно, что ты тут на побегушках, — фыркнула я, спуская ноги с дивана. — Настоящий игрок на интерес не мечет.

— А на что с тобой играть? На фантики?

Пришлось признать его правоту — денег не было, сумка осталась, кажется, на катере.

— Ладно, — вздохнула я. — Давай на интерес.

После пяти партий в «очко» я поняла, что передо мной «лох непуганый», по определению моего супруга. Играть Квас почти не умел, за моими руками не следил, и я, научившись у Арика передергивать и считать карты, довольно быстро убедилась в полной непригодности Кваса к какой бы то ни было игре.

— Н-да, тебе действительно лучше на фантики играть, — насмешливо сказала я и вдруг заметила огорченное выражение на его лице. — Что такое?

— Да говорили мне, что я неспособный... но чтоб баба меня обула...

— Ты не расстраивайся, мы ж не всерьез. А хочешь, я тебя научу кое-чему? — предложила я.

Квас напрягся:

— Чудится мне подвох в твоих словах.

— И какой же?

— Сейчас попросишь что-нибудь.

Я пожала плечами:

— А что мне у тебя просить? Ты ведь меня все равно не выпустишь.

— Верно.

— А давай с другой стороны зайдем. Твой хозяин ведь сообщит Косте, что я у вас, так? Как думаешь, что будет?

— Твой Костя будет аккуратнее руками работать.

— Это вряд ли. Для Кости деньги — бог.

— А ты?

— А что — я? Баб может быть много.

— Ну вот и проверим.

— А если его люди начнут меня искать? Я не позволила ему, а была должна. — Я блефовала как умела, но вдруг увидела, что попала в точку — Квас напрягся.

— И что?

— А ничего. У Кости и здесь есть свои люди, как думаешь, если нас тут обнаружат — что будет с тобой?

— Да кто тебя станет в бассейне на Лиговке искать? — искренне изумился Квас, а я обрадовалась — теперь я вообще отлично знаю, где я и как выбраться отсюда, если повезет из комнаты этой выскользнуть. Осталось придумать, как именно.

— Тоже верно, — смиренно сказала я, перекидывая карты из руки в руку веером. — Тогда нам остается только ждать.

В комнате было очень душно — сказывалось закрытое наглухо окно, и Квас то и дело прикладывался к соку. Я же исподтишка оглядывала комнату, прикидывая, что здесь мне может пригодиться. И я это увидела. Пальма в кадке была настолько кривой, что сзади ее подпирал довольно толстый металлический штырь. Судя по количеству выпитой жидкости, Квасу скоро понадобится выйти, и я должна успеть выдрать эту железку, а там посмотрим. Как повезет.

Так и вышло — часа через полтора Квас поднялся:

— Я до ветра. Не скучай.

— Не буду, — заверила я. Мне тут будет чем заняться в его отсутствие.

Пока он ходил, я с большим трудом вырвала штырь из кадки, встала у двери так, чтобы успеть с размаху ударить Кваса по лицу, и приготовилась к побегу. Лишь бы хватило веса, чтобы нанести удар как можно сильнее, иначе я не отключу его, а только разозлю, и вот тогда о последствиях лучше не думать.

Ничего подобного не ожидавший охранник открыл дверь и вошел, в ту же секунду получив удар по переносице. Он рухнул, не успев вынуть ключ из двери, а я быстро выскользнула в коридор и заперла дверь снаружи. Зажав ключ в кулаке, я, вся перемазанная землей и ржавчиной, кинулась бежать по коридору, даже не понимая, куда бегу. Но мне повезло — по наитию я выбежала в холл и кинулась к входной двери. Ключ я выбросила в урну на крыльце, забежала за угол и отдышалась. Удалось! Теперь надо рвануть в гостиницу, а оттуда позвонить Косте — и наплевать, если он будет взбешен моим звонком.

Гостиница находилась совсем недалеко, я правильно поняла, в какую сторону идти. Пришлось делать это быстро — лил дождь, я вся была в грязи, люди оборачивались.

В гостинице девушка-администратор сочувственно посмотрела на меня, отдавая ключ:

— Промокли?

— Да...

— Вы в следующий раз зонтик берите, в номере ведь есть.

— Спасибо, обязательно, — цокая зубами от холода, проговорила я и пошла к себе.

Но первым делом постучала в соседний номер, где жил Иван, надеясь, что он здесь.

— Да! — раздался раздраженный голос, и я громко сказала:

— Ваня, открой, это я.

Дверь распахнулась, и на пороге возник Переверзев с голым торсом и в шортах:

— Господи, Мария! Ты где была-то?! Я всю крепость обегал, всю охрану там на уши поднял, мы, кажется, каждый кирпич осмотрели! Что за фокусы?!

— Посмотри на меня — похоже, что я где-то развлекалась? — огрызнулась я, входя в номер. — Дай телефон.

— А твой где?

— В гнезде! Ворона утащила! Дай, говорю, мобильный, мне срочно надо!

Растерянный Ванька протянул мне телефон, и я набрала номер Кости.

— Иди в холле посиди, — указав глазами на дверь, велела я партнеру, и тот подчинился, хотя и зыркнул недовольно.

Костя ответил раздраженным голосом:

— Ну, что тебе?

— Мне? Ничего. А вот тебе... имей в виду, твой партнер по игре умыкнул меня и пытался использовать для того, чтобы ты руками не слишком активно работал, — разозлилась я. — Понял?

— Что?! — взревел Костя. — Ты где вообще?!

— Пока в своей гостинице, но, думаю, через какое-то время меня тут уже не будет, а во второй раз я так запросто не выберусь. Кличка Финн тебе что-то говорит?

Судя по всему, говорила, и явно ничего хорошего, потому что Костя сориентировался мгновенно:

— Зайди в номер к своему Ивану и там сиди, сейчас за вами приедут. Из номера ни ногой, придет Тигран. Мария, ты все поняла? — В голосе зазвучали обеспокоенные нотки, и я успокоилась:

— Да, Костя.

— Все, десять минут.

Через десять минут в дверь постучал Тигран. Мы с Иваном уже успели собрать вещи и были готовы к отъезду.

Тигран привез нас в тот же отель, где жил Костя. Ивана поселили на том же этаже, а я оказалась в номере супруга.

Костя в шелковом халате расхаживал по люксу туда-сюда и напоминал взбешенного быка. Когда я вошла, он кинулся ко мне, обнял и тяжело задышал в волосы:

— Видит бог, я его накажу.

— Может, тебе лучше отказаться, Костя?

— Не могу, Мария, — пробормотал он, перебирая мои волосы. — Не могу, понимаешь? От такой игры не отказываются. Мы с тобой и пикнуть не успеем, как нас в этом вот номере и прирежут. А вот тебе надо срочно улетать.

И тут я вспомнила о Марго. Черт, Марго! Если она придет...

Я бросила взгляд на часы — нет, самый ранний поезд отходил только через два часа, и на него Марго точно билеты брать не будет, чтобы не приезжать слишком рано утром.

— Костя, дай мне телефон, — попросила я, упираясь ладонью ему в грудь.

— Зачем?

— Мне срочно нужно позвонить. Срочно, понимаешь?

Он кивнул и дал мне мобильный. Я быстро набрала номер Марго, молясь, чтобы она сняла трубку.

— Марго, Марго, это я, — затараторила я, едва услышав в трубке «алло», чтобы подруга не сбросила звонок с незнакомого номера.

— Да, Мэрик, слушаю.

— О господи, Марго... ты дома?

— Да. Ты представляешь, не смогла купить билеты на сегодня, — огорченно проговорила она, а я с облегчением выдохнула в трубку:

— И не надо! Не надо приезжать, Марго. Не в этот раз.

— Что-то случилось? — сразу напряглась Марго.

— Нет, милая, все в порядке. Но в этот раз мы не увидимся, прости.

— За что, Мэрик? Я все понимаю. Ты мне напиши, как станцуете, хорошо?

— Конечно.

Я сбросила звонок и облегченно выдохнула. Ну хоть Марго не попадет в эту мясорубку, раз уж Ванька неволь-

но попал. Может, нам с ним действительно улететь? Черт с ним, с турниром, — не последний ведь. Хотя мировой рейтинг, судьи с громкими именами...

— Костя...

— Ты с ума сошла? — мгновенно понял все супруг. — Какие танцы?! Если ты по чистой случайности смогла от людей Финна убежать, это не значит, что судьбу за карман поймала! Мне будет не до игры, если я постоянно буду думать о том, где ты и что с тобой.

— Костя, помимо твоей игры есть еще моя работа. Это танцы. Ты знал об этом, когда женился.

Муж негромко хлопнул ладонью по крышке лакированного комода:

— Мария!

— Костя! Игра завтра, а турнир только в субботу, ну дай ты мне хоть стандартную программу отработать! Ты ведь уже будешь свободен!

— Ты не понимаешь, да? — Он схватил меня за плечи и зашипел в лицо: — Если я выиграю, мне могут не дать уйти!

— Так проиграй.

— Спятила, женщина?! Чтобы Костя Кавалерьянц слился за столом?!

— Ты никогда не остановишься, да? — тихо спросила я, глядя прямо в его черные, словно без зрачков, глаза.

— Ты не поймешь... — так же тихо отозвался он, не отводя взгляда.

— И ничего нельзя сделать? Для того чтобы тебе выиграть и уцелеть?